

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИИ

КТО НЕ ДУМАЕТ
О ПОСЛЕДСТВИЯХ...
МЕЧ НЕМЕЗИДЫ-2

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Половцевой Яны

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Кто не думает о последствиях... (Меч Немезиды-2) : роман /Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 480 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий)

ISBN 978-5-17-095622-7

При переходе границы в горном районе Кавказа убит известный международный террорист Дауд, при котором обнаружен детонатор к портативному ядерному фугасу. Постепенно вырисовываются контуры зловещего плана международного терроризма по производству невиданного по масштабу террористического акта. Следствие пытается проникнуть в самую гущу кавказского бандподполья, но оно «крышуется» фигурами, имеющими значительный должностной и политический вес. И тогда на выполнение задания направляется дивизион «Меч Немезиды». Удастся ли ему выкорчевать глубоко проросшие корни терроризма?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095622-7

© Корецкий Д. А., 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Кто думает о последствиях, тот не герой.

Кавказская поговорка

А кто не думает — тот безумец.

Дополнение автора

ГЛАВА 1

Барсы не едят мертвых

Горная Грузия

В горах, на высоте почти двух тысяч метров, и в конце августа погода не очень ласковая. С утра над перевалом сгущались облака, растворив в себе окружающие вершины, а к обеду начался дождь. Взъерошенные куры, кудахча, забились в сарай, и коза пришла туда же, — животным явно не хотелось мокнуть. В загоне из жердей блеяли овцы — им тоже не нравилось жаться под холодными струями, но деваться некуда: только зимой их переведут в скотный сарай, где постоянно живет низкорослая корова местной породы.

Гоча как раз колот под навесом дрова: скоро зима, дороги занесет — ни пройти, ни проехать. Раньше, в советские времена, тут регулярно летали «Ан-2», они стали обыденными, словно автобусы на равнине: не успеет остановиться пропеллер, как

древние старухи, в черных длинных платьях и платках, не по возрасту быстро бежали к трапу, ловко забирались внутрь, удобно усаживались поближе к окну, мужчины в куртках из домотканой шерсти и каракулевых шапках привычно втаскивали баранов, большие мешки с сыром, бидоны с молоком... И вертолеты прилетали часто: доставляли врачей, ветеринаров, агрономов и всяких попутных пассажиров. Об этом даже в фильме «Мимино» показывали — все тушинцы его по много раз пересмотрели. Путешествие через хребет по воздуху стало обычным и будничным. Ведь если добираться до ближайшего селения на Алазанской равнине через перевалы с вьюками, потребуется не менее двух дней! А теперь ничего этого нет: только вертолет пограничников прилетит раз в месяц — и все!

Потому к зимовке надо сделать заготовки с запасом: и дрова, и еду, и все, что нужно... Как на арктической станции!

Гоча уже выкопал всю картошку — мешков десять, очистил от земли, просушил, засыпал в отгороженный досками угол подвала. Нана завялила мясо, засолила огурцы, помидоры, черемшу, заквасила капусту да отправилась зимовать к детям, на равнину. Жена моложе на семь лет, ей нужно разнообразие, движение, какие-то занятия — будет в городе по магазинам ходить, готовить, внуков нянчить, с соседями болтать... А Гоча привык к своему дому настолько, что и палкой не выгонишь... К тому же в старости плохо спится на чужих подушках...

Дождь его расстроил: не везет так не везет. В шестьдесят лет уже нелегко водить туристов по крутым тропам, вот он и выделил две комнаты под «гестхауз»: выкинул все лишнее, побелил стены, навесил домотканые ковры с квадратными узорами, новое белье купил, полотенца, дополнительные стулья, посуду, даже зубную пасту и щетки на всякий случай... Огромного «кавказца» Джима отдал Бесику в Нижнее Омало, чтобы не пугал гостей... Только где они, эти гости? Обновленные комнаты почти всегда пустуют... Конкуренция большая — в Верхнем Омало всего около пятидесяти домов, а в пяти принимают гостей...

Они с Сандро живут на краю села: прямо за дворами начинается крутой склон в ущелье, и оба открыли гостиницы, но у соседа дом попросторней, большая веранда и вид из окна — прямо на старинную крепость... Для туристов это экзотика, потому у него чаще есть постояльцы, хотя и берет он дороговато — сто двадцать лари в сутки с питанием. Вот и сейчас живут двое — позавчера приехали. Только зачем, непонятно! Ни к перевалу не пошли, ни в крепость, ни на лошадях по Тушетии не поехали... Может, они эти, как называются... Как немцы?

Те тоже приехали вдвоем, жили у Важи, а там целая компания с равнины — молодые ребята с девушками. Ну, пригласили иностранных друзей к столу — шашлык, чача, вино, тосты... Все шло хорошо до тех пор, пока немцы, услышав тост про любовь, не стали целовать друг друга в губы. Уви-

дев такое, опешившие парни избили извращенцев, а затем связали руки-ноги да так и бросили в реку. Хорошо, что мелкая, те только перемерзли да испугались... Важа с сыновьями их вытащил да отправил, от греха, в Телави...

Гоча воткнул топор в иссеченный чурбак, занес дрова в дровяной сарай, сложил в поленницу, осмотрел. Хватит, пожалуй! Хотя, на всякий случай, можно еще наколоть — запас карман не тянет... Не в эту зиму сожжет, так в следующую...

Накинув на разгоряченное тело овчинную безрукавку, он трусцой пробежал под холодными струями к дому, снял обрезанные по щиколотку резиновые сапоги, в протертых шерстяных носках прошел по стареньким полотняным дорожкам к допотопному, образца шестидесятих годов, буфету. Налил из большой, грубого синеватого стекла бутылки чачи в маленький граненый стаканчик, с расстановкой выпил в несколько глотков, наслаждаясь духом винограда и чувствуя, как семидесятиградусная жидкость обжигает пищевод и разбегается по жилам, восстанавливая затраченные силы. Затопить, что ли, печь? Да нет, если бы были постояльцы — другое дело, а сам он и так не замерзнет... Конечно, он надеялся, что гости все-таки приедут, но погода спутала все планы. Хотя... Что там за шум?

Гоча подбежал к окну и припал к стеклу, глядя на приближающийся по раскисшей дороге «уазик» комбинированного черно-зеленого цвета. Туристы, больше некому!

Накинув плащ-накидку и прихватив еще две, Гоча вышел на улицу. Своих нынешних постояльцев Сандро у него перехватил, воспользовавшись тем, что Гоча доил козу в сарае. А когда вышел, то машина уже уезжала. Видно, Сандро выскочил навстречу, махал руками, вот и зазвал к себе. Иначе никак — дом соседа стоит дальше по дороге и выше на склоне, чего бы они мимо Гочи проехали... Но второй раз у него такой фокус не пройдет!

Гоча огляделся. Соседа не видно, судя по густому дыму над трубой — растапливает печь, ублажает постояльцев. Ничего, и он сейчас затопит... Если, конечно, очередной гость не договорился с этим пронырой!

Но «УАЗ» остановился рядом с ним. Из задней двери пружинисто выскочил молодой мужчина в расстегнутой зеленой брезентовой куртке с капюшоном, сером свитере, широких черных брюках из толстой ткани и высоких шнурованных ботинках. Не обращая внимания ни на дождь, ни на Гочу, он вытащил объемистый рюкзак с притороченным длинным свертком и с лязгом захлопнул дверцу.

«УАЗ» зачем-то сдал задом, развернулся и уехал, Гоча даже не рассмотрел, кто был за рулем. Ему вдруг показалось, что эта же машина привезла и двух постояльцев Сандро. Странно! Внизу, в Алвани, целая «биржа» извозчиков, которые за двести лари отвезут хоть в Нижнее Омало, хоть в Верхнее, хоть в Шенако, хоть в Дартло! И всех он хорошо знает, а вот этот «УАЗ» видит второй раз... Может,

правда, он возит пассажиров из самого Телави? Но почему так быстро уехал, не дождавшись размещения пассажира, как будто вопрос о поселении уже решен? Надо будет спросить у гостя...

Тяжело нагруженный человек в зеленой куртке, по-прежнему не обращая внимания на хозяина, подошел к калитке. Они встретились взглядами, и Гоча расхотел задавать какие-нибудь вопросы.

— Гамарджоба, генацвале! — поздоровался он, как положено, хотя обычная приветливость исчезла из голоса сама собой.

— Здравствуй, отец, — буркнул тот, откидывая капюшон. Лицо его оставалось непроницаемым. Длинный нос с горбинкой, прищуренные холодные глаза, впалые щеки, заросшие черной щетиной, квадратный, выдвинутый вперед подбородок. Короткая стрижка с блестящими вкраплениями седых волосков открывала маленькие остроконечные, прижатые к голове уши. Года тридцать два, говорит без акцента, хотя чувствуется южная кровь... Азербайджанец, что ли? Ничего, разговоримся, все и узнаем...

— Заходи в дом, дорогой, сейчас протоплю, тепло будет, — суетился Гоча, как и положено гостеприимному хозяину. — Дождь зарядил дня на три. Но это ничего, будем пить кахетинское, я цыплят жарю, можно шашлык сделать... Меня Гоча зовут, а тебя?

— Азат, — коротко ответил гость. — Только я не пью вина.

Азат по-персидски — «свободный человек», но это имя популярно и в Азербайджане, и в Армении, и в Иране, так что Гоча в очередной раз затруднился с определением национальности приезжего. А краткость и тон ответа показали, что вряд ли он «разговорится» за дружеской беседой, да и сама задушевная беседа вряд ли состоится...

В дом тот вошел, не разувшись, даже ноги не вытер, оставляя на половичках грязные рубчатые следы. Гочу, который держал жилище в чистоте, это покорибило. Но какой ни есть этот Азат, а он гость. В конце концов, половички и постирать нетрудно...

— А чачу? У меня чача хорошая...

— И чачу не пью. Еще вопросы есть?

У Гочи было много вопросов. И зачем сюда приехал недружелюбный незнакомец, и сколько дней собирается тут прожить, и почему он один: обычно приезжают компаниями — веселей, и расходов на машины да проводников меньше... Да и вообще, когда в горы попадают люди с равнины, с ними интересно поговорить: тут ведь телевизор не показывает, и радиоприемник плохо работает, вокруг одни и те же лица, а у свежего человека все новости и выспросишь...

— Нет вопросов, дорогой! Проходи в свою комнату, отдыхай, я на стол приготавливаю...

Гоча не смог бы объяснить, почему не стал спрашивать гостя. Но это решение было очень мудрым и правильным. Потому что тот, кто представился как Азат, неукоснительно следовал правилу:

убивать всякого, кто задал больше трех вопросов. Даже таких обыденных и невинных, как те, что хотел задать хозяин. И хотя об этом Гоча тоже не знал, но когда решил ни о чем не спрашивать, неизвестно почему испытал огромное облегчение.

Приезжий ему не понравился. Не только недружелюбием и грубостью. От него исходила ощущаемая на биологическом уровне угроза, как от ощерившегося волка. И вид у него был волчий — хищник в человеческом обличье. Холодный, беспощадный взгляд, жесткая линия губ, плохо скрытая агрессия... Абрек — вот на кого он похож! В молодости Гоча водил контрабандистов через перевалы и повидал много таких типов... Но зачем он забрался сюда? Может, охотиться на занесенных в Красную книгу снежных барсов? Вон, в длинном брезентовом свертке у него что? Ясно, что не удочки...

Гоча спустился в подвал за продуктами. На запасенном с зимы льду лежали слепленные вчера хинкали, мясо зарезанного позавчера барашка, на крюках под потолком висел свежий сыр... Когда он с полным подносом поднялся по скрипучей лестнице, оказалось, что его поджидает Сандро. Сосед неловко переминался с ноги на ногу.

— Мои гости хотят к тебе на обед прийти, — сказал он, глядя в сторону.

— Что?! — не поверил Гоча.

Это был большой позор. Значит, хозяин плохо кормит постояльцев, если они просят к другому...

Но Сандро не был замечен в таких делах. Да и никто из сельчан — тоже.

— Я бы и цену снизил, и вообще...— Сандро удрученно развел руками. — Не могу понять, в чем дело...

— А зачем ты их у меня перехватил? — не удержавшись, спросил Гоча. — Я только зашел козу подоить, а ты сразу и выскочил навстречу!

— Да никуда я не выскакивал, — сосед недоуменно покачал головой. — Они сами прямо к дому подъехали... Сказали — знакомые у меня жили...

Похоже, Сандро не врал.

— Ну, ладно, — махнул рукой Гоча. — Проехали... А насчет обеда... — Он почесал затылок. — Раз хотят, пусть приходят. Только ты мне помоги шашлык пожарить. Я на троих не рассчитывал...

— Конечно, помогу! — обрадовался Сандро. — Всё сделаю!

Через час трое приезжих сидели за накрытым столом, с аппетитом ели шашлык, сыр, лаваш и, хотя только что познакомились, оживленно разговаривали. Вопреки подозрениям Гочи, постояльцы Сандро не напоминали тех немцев. Здоровые грузинские мужики, с грубыми лицами, классическими орлиными носами и холодными глазами под широкими сросшимися бровями... Манерами и волчьими повадками они скорее походили на Азата. Тоже абреки, только рангом пониже. И держались они, как подчиненные. Когда хозяин входил

со свежим шашлыком, разговор прекращался, и все трое бросали на него недобрые взгляды.

Но Гоча их не боялся. По характеру тушинец — почти хевсур, или сван, а с ними, как хорошо известно, лучше не связываться — люди жесткие, бесстрашные. Всё ведь от силы духа зависит. Даже поговорка такая есть: «Если сердце из железа, и деревянный кинжал хорош!» А под телогрейкой у Гочи висел самый настоящий родовой кинжал, который не заржавел за сто пятьдесят лет, потому что время от времени пил кровь врагов. Хотя в последние десятилетия этим не хвастались.

Вино и чача остались нетронутыми. Гоча отметил, что гости Сандро были бы не против выпить, но Азат им запретил. Или просто не одобрил, а они его послушались. Вообще, Гоче показалось, что все трое были раньше знакомы. Или у них был общий знакомый и общие дела.

Краем уха он услышал, что упоминали о каком-то вертолете, который должен прилететь за этими двумя. Не похожи они, правда, на тех, за которыми вертолеты прилетают. И лица простецкие, и куртки дешевые, камуфляжные, и свитера крупной домашней вязки... Только ботинки дорогие — высокие, на шнуровке, как у Азата... Хотя кто их сейчас разберет — у богатых свои причуды. Да и какая Гоче разница? Они ведь не у него живут..

Неожиданно Азат вежливо подозвал его, поблагодарил за вкусный обед, поинтересовался: когда закрываются дороги, много ли народу остается

зимовать наверху? И его сотрапезники спрятали недобрые взгляды, даже улыбались. Но они не перестали быть волками: просто натянули овечьи шкуры, а суть осталась прежняя, и исходящая от всей троицы угроза никуда не делась, может, только чуть снизилась.

— В конце сентября уже пойдет снег, а с октября по июнь дороги закрыты, — обстоятельно рассказал Гоча. — У нас многие остаются, а в Шенако только две семьи. В Дартло и вовсе один Арсен зимует..

Гости переглянулись.

— А правда, что в здешних краях свои обычаи, не такие, как на равнине? — спросил Азат.

Гоча понял, что тот просто заговаривает зубы, отвлекает. Только не понял — зачем?

— Правда. Мы православные христиане, но свинину в Тушетию ввозить запрещено, хотя внизу мы ее едим, — также обстоятельно ответил хозяин. — Здесь есть святые места, куда женщинам нет входа. Например, в нашу православную церковь женщин не пускают — таковы заветы предков.

— Спасибо, отец. — Азат встал, давая понять, что обед закончен.

Сандро увел своих гостей, Азат почти сразу ушел спать. И Гоча тоже лег, но привязал дверь веревкой, а под подушку положил «харбук» — большой однозарядный пистолет, стреляющий самодельным патроном из обрезанной винтовочной гильзы с шариком от подшипника на мощном пороховом заряде. Такой пробивает человека навывлет.

Ночь прошла спокойно. Следующие три дня шел дождь. Азат никуда, кроме туалета, не выходил. В еде он был непривередлив, довольствуясь хинкали, мамалыгой, сыром. Гости Сандро больше обедать не приходили.

На четвертый день дождь перестал, тучи рассеялись, горные хребты вновь проявились во всей своей красоте и величии. После завтрака Азат сообщил, что он сегодня улетает в Тбилиси. Что ж, улетает так улетает — у Гочи как гора с плеч свалилась, и он с нетерпением ждал этого момента, то и дело поглядывая на часы и даже поднося их к заросшему седой щетиной уху. Наконец, вскоре после полудня, раздался мощный гул вертолетного двигателя.

Как и положено, хозяева проводили своих гостей, благо поле аэродрома находилось совсем рядом, прямо за домом Сандро. Тяжелый багаж постояльцы тащили сами, никому не доверяя. Тушинцы обратили внимание на притороченные к рюкзакам ледорубы: на альпинистов их постояльцы были мало похожи...

Прощание было коротким и, мягко говоря, прохладным — Азат небрежно кивнул, а те двое даже головы не повернули. Гоча и Сандро молча смотрели, как странная тройца грузилась в вертолет. Один залез внутрь, ему передали большие рюкзаки и длинные свертки, потом в металлическое чрево забрались остальные, люк захлопнулся, лопасти начали раскручиваться. Через минуту «Ми-8» защитного цвета косо взлетел и взял курс на Тбилиси.

Соседи проводили его взглядами, синхронно перекрестились и тут же вопросительно уставились друг на друга.

— Значит, с радостью гостей провожаешь, друг? — поинтересовался Гоча.

— Еще с какой! — Сандро распахнул овчинную куртку, показав заткнутый за пояс старый, с потертым воронением, наган. — Сегодня хоть спокойно спать буду...

Гоча понимающе кивнул и тем же жестом распахнул телогрейку, продемонстрировав свой «харбук».

— И я тоже выплюсь... Зачем приезжали, не говорили?

— Ничего не говорили. Только смотрят, как звери... Я думал, они браконьерить собрались. А они на Тбилиси полетели...

— Да какая нам разница? Улетели — и ладно! — Гоча, развеселившись, хлопнул соседа по плечу. — Ты лучше посмотри, как красиво!

Он указал пальцем на яркую радугу, повисшую в переполненном влагой воздухе. Некоторое время суровые тушинцы, как дети, зачарованно рассматривали переливающиеся краски. И одновременно увидели вертолет, летящий на большой высоте в сторону гор, туда, где проходили границы с Чечней и Дагестаном.

— Возвращается, что ли? — Гоча перестал улыбаться. — Или это другой?

— А что, сегодня воздушный парад? — резонно спросил Сандро. — То раз в месяц прилетают, а то